

В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Есть хорошая русская поговорка: "Долго запрягает, да быстро ездит". Это, по-моему, про Марка Розовского. Свои премьеры он выпускает обоями, потом выдерживает паузу — и снова обоями. Так и в этом сезоне: всю первую половину играл прежний репертуар, репетировал и вдруг, с интервалами в пару недель, выпустил сразу три премьеры. Абсолютно несхожие, будто и не на одной сцене рожденные. А под занавес сезона, уверена, еще удивит чем-нибудь необычным и отправится на очередной летний фестиваль завоевывать иностранные призы.

Моск. правда. — 1999. — 21 июля. — С. 11

Два года назад театральную Москву облетела весть: непредсказуемый Розовский во дворе своего театра, под открытым небом поставил спектакль "Песни нашего двора", собрав воедино старинный городской романс, уличный фольклор, бардовские, блатные и тюремные песни, и те массовые, что распевали наши отцы и деды в 20-е, 30-е, "сороковые-грозовые" военные годы и первые послевоенные десятилетия. Успех спектакля был несказанный. Однако же играть его можно было только в теплое время года при хорошей погоде. И тогда Розовский решил придать своему удачливому детищу брата-близнеца — "Песни нашей коммуналки". Уже под крышей, на своей сцене, ухитрившись не повторить ни единого номера из "дворовой" программы.

Ныне живущее старшее поколение, конечно же, помнит былые московские коммуналки (их, между прочим, еще немало осталось по старым домам) с длинным списком жильцов на входных дверях и индивидуальной кнопкой звонка каждому. С нажатия такой кнопки "Аркашиной квартиры, где бродят наши тени" начинается спектакль сам его постановщик М. Розовский. Перед нами главный общественный плацдарм каждой коммуналки — кухня — место неустанных трудов и междоусобных женских войн, муж-

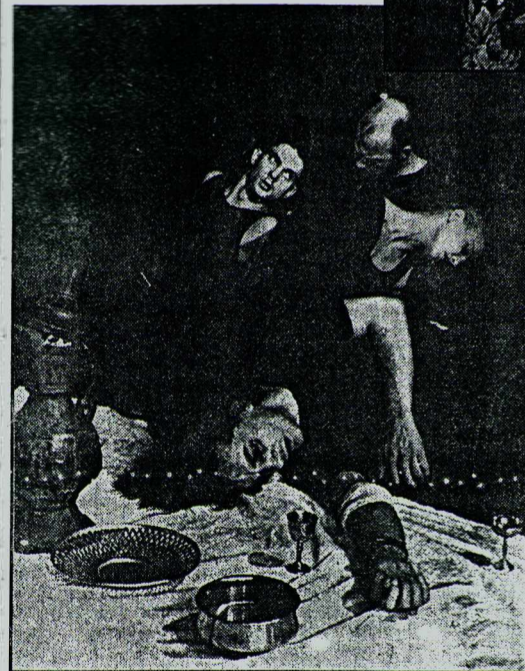
лите папиросы" из репертуара сверхпопулярных в свое время сестер Бэрри.

Зрительский успех "Песен нашей коммуналки" феноменальный. Для старшего поколения — это ностальгически щемящее возвращение в свою юность, для молодежи — откровение. А Розовский больше всего гордится тем, что оформление, костюмы — все из подбора, и шутит: ноу-хау в строительстве — дом без единого гвоздя, ноу-хау в театре — опыт создания спектакля без единого рубля.

Без единого рубля была выпущена и следующая премьера — трагикомедия Гарольда Пинтера "Легкая резь в глазах" Пискунов играет Продавца спичек в моем ста-

чайших психологических нюансов, из нескончаемой смены настроений, порывов чувств трех человек, живущих в собственных, отторженных друг от друга мирах, каждый — сам по себе, внутри себя. Крохотный зеркальный сколок современного человеческого сообщества, жестокого, эгоистичного, агрессивного.

В преддверии Пушкинского юбилея на афишах многих театров замелькали "Маленькие трагедии". Розовский остановил свой выбор на "Пире во время чумы". Но у Пушкина "Пир" — всего неполных 10 страничек. Розовский ставит полномасштабный спектакль, дополняя текст рядом других стихотворений поэта в строгом соответствии со своим режиссерским замыслом. А по его замыслу, "Пир во время чумы" — трагический балаган. И "чума" вовсе не болезнь, а образ мира, потерявшего гармонию, обезобразившего себя бессмыслицей и аморальностью. "Время чумы" — и наше время, когда спутаны понятия добра и зла, смешены нравственные ориентиры, когда все дозволено. И чтобы мы, зрители, сразу прониклись этим ощущением, режиссер как некую звуковую увертюру к спектаклю дает нам услышать гул пролетающего самолета, обрывки радиоголосов в эфире. Век нынешний и век минувший сомкнулись в его постановке.

ских перекуров, политических дискуссий, бурных обсуждений внутриквартирных проблем и мирных совместных праздничных застолий.

Шесть актеров, образов — несть числа. Переволпощения мгновенные. Девочка-школьница, готовящая уроки за кухонным столом, и сомнительной репутации дамочка в меховом манто — Ирина Морозова; затурканная бабенка в застиранном халате с полотенцем на голове, неожиданно превращающаяся в нечто индийское, — Маргарита Рассказова; работяга-мужик, буйный во хмеле и ухарь, когда трезв, — Александр Вилков; интеллигент из "бывших", надрывающий душу Вертинским и прихлебывающий кефир из бутылки — Игорь Старосельцев; Валентина Ломаченкова с неизменной своей скрипкой, представляющая собой паренюком-подростком, то нескладной-женщиной; "ковбой" — Виктор Глазунов — калейдоскоп характеров один другого ярче. В спектакле свыше сорока песен. И каждая — законченная миниатюра. Музыкальное сопровождение (примого гитар и скрипки, на которых играют сами артисты) — Татьяна Ревзина и Сергей Чипенко (клавиши). У Т. Ревзиной, кстати, есть свой прекрасный сольный номер — песня "ку-

ми актерами Раймон, по его собственным словам, принял с благодарностью. Для меня было чрезвычайно полезно, говорит он, приобрести уникальный опыт, соединяющий мировой авангардный театр с блестящей русской театральной школой переживания. А именно здесь, как нигде, эта школа сыграла свою решающую роль.

Пьеса Пинтера кажется простой по сюжету. Муж и жена — Эдуард (Владимир Юматов) и Флора (Галина Борисова), люди обеспеченные, живут себе тихо и спокойно в собственном доме. Но, Боже мой, как бесконечно однообразно тянутся дни за днями, как безумно надоели они друг другу, как одиноки в своем супружестве. Флора заметила однажды, что у ворот их усадьбы стал появляться странный человек — продавец спичек (Владимир Пискунов). Его позвали, от скуки. Он явился — грязный, неприбранный, старый, к тому же глухонемой — то ли призрак, то ли жалкая реальность. Но даже это убожество вносит новизну ощущений в полусонное существование супругов. С ним говорят, его теребят, Флора гладит его нечесаную голову, а он не только не может ничего сказать этим людям, он даже не понимает, что от него требуют. Спектакль соткан из тон-

ром пальто, смеялся Марк Розовский. Но, думается, актерам было не до смеха, когда за полтора месяца пришлось одолевать сложнейшую пьесу английского драматурга-авангардиста с французом Раймоном Сегре в качестве постановщика.

Авиньонский фестиваль 1997 года свел и сдружил Р. Сегре с М. Розовским, и предложение поработать с русски-

Спектакль необыкновенно пластичен и музыкален. Именно музыка свободно сочетает действие самого "пира" с вставными эпизодами "Бесов", "Пасторали", "Бала у сатаны"... Когда пир превращается в оргию, оргия в вакханалию, за которой идет Хаос и Апокалипсис. Это ли не сегодняшнее предупреждение всем нам, говорит Розовский.

Центральная фигура спектакля — Вальсингам Андрея Молоткова, образ прекрасный, могучий и глубоко трагический. Да, он с ними, с этой пирующей посреди улицы молодежью, но мыслью и душой в недостижимой отсюда выси, и его спор со Священником (Игорь Старосельский) — скорее спор с самим собой, тем вторым "я", что удерживает его здесь, среди пирующих. И вряд ли кто другой, кроме Вальсингама, явственно ощущает присутствие Смерти (Людмила Романова), незаметно вторгшейся в их среду. А она, мерзкая, именно ему как предупреждение, как знак бросает в руки дохлую крысу. Ну что ж, он готов принять ее вызов.

Как всегда у Розовского, спектакль — синтез всех средств сценической выразительности: света, цвета, звука, пластики, поэтому нельзя не назвать балетмейстера Виктора Шкилько, художника по свету Эфима Удлера, осуществляющего звуковую партитуру Юрия Власова.

Не знаю, какие дороги и на какие зарубежные фестивали повлекут этим летом театр "У Никитских ворот", но за то, что "Пир во время чумы" обречен на грандиозный успех в любой стране, — безоговорочно ручаюсь. Ай да Розовский, ай да... Помните, как сказал про себя Александр Сергеевич?

Наталья БАЛАШОВА.
Фото Елены ЛАПИНОЙ
и Константина ГОРЯЧЕВА.

На снимках: сцена из спектакля "Песни нашей коммуналки": Флора — Г. Борисова, Продавец спичек — В. Пискунов, Эдуард — В. Юматов ("Легкая резь в глазах"): сцена из спектакля "Пир во время чумы".